

КТО, КАК И С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ ВЛИЯЕТ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.М. Акматалиева

Центральноазиатский регион практически всегда подвергался форматированию внешними игроками, которые становились гарантами его безопасности. Утрата Россией своего традиционного влияния, война в Афганистане и присутствие США в регионе наталкивают страны на поиск оптимальных путей определения своего будущего с учетом объективных геополитических изменений.

Ключевые слова: национальная безопасность; региональная безопасность; всеобъемлющая безопасность; гуманитарная безопасность; геополитические интересы и ориентации.

Можно ли рассматривать Центральноазиатский регион как гомогенное образование с общностью интересов и подходов при решении вопросов национальной и региональной безопасности? Кто, как и с какой целью влияет на безопасность в Центральной Азии (ЦА)? В данной статье автор попытается показать, что вопросы безопасности в ЦА формируются, проблематизируются и актуализируются в основном внешними игроками, рассматривающими регион не как самостоятельную единицу международных отношений, а как геополити-

ческое поле с пересекающимися интересами преимущественно Москвы, Пекина, Вашингтона и Брюсселя.

Перманентное присутствие геополитических интересов крупных держав на пространстве ЦА детерминировало не только границы региона, но и вопросы региональной безопасности. С одной стороны, эти державы выступали в качестве гарантов безопасности и интеграционных процессов внутри региона, а с другой – конкуренция между ними приводила к дезинтеграционным процессам. Большая игра России и

Великобритании, концепция США о создании форума Партнерства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (БЦА), идеи пантюркизма Турции и панисламизма Ирана оказывали и продолжают оказывать прямое влияние на форматирование вопросов региональной безопасности для ЦА.

Ключевыми драйверами безопасности в ЦА за последние два десятилетия стали: распад СССР и утрата Россией своего традиционного геополитического и геоэкономического влияния на регион; возросший в связи с этим интерес новых нерегиональных акторов; борьба с международным терроризмом, война в Афганистане и, соответственно, – усиление военно-политического присутствия в регионе США. Это обуславливает активизацию роли России и Китая в новом тысячелетии.

Регион характеризуется «отсутствием устойчивых внутренних связей и внутреннего единства (после распада СССР их объединяет лишь ислам и отторжение “имперских” поползновений России или СНГ)», а также идея “скрепляющего ядра”¹. Структуры безопасности являются “многоуровневыми, противоречивыми и довольно расплывчатыми”². Четыре республики (кроме Таджикистана), объединяет этнолингвистическая близость тюркских языков и народов, но одним из определяющих факторов общности остается советское наследие на основе русского языка и советской этатерии. После обретения независимости все республики попытались создать национальные идеологии, а первые президенты претендовали на роль отцов-основателей нации. Эти идеи не только спланировали различные социальные группы в обществе, но также становились почвой для националистических идей в пользу титульных этносов. Тем не менее, конфликтов на этнической почве мы пока не наблюдаем, несмотря на многонациональный состав республик и все прогнозы о вспышке этноконфликтов.

Регионализм и клановые связи стали определяющими в условиях модернизации. Авто-

ритаризм подкрепляется стремлением создать однопартийные системы с карманными парламентами. Многовекторная внешняя политика или стратегия многоуровневой лояльности и слабость интеграционных процессов характеризуют внешнюю политику региона. Многовекторность является результатом как активизации внешних игроков (США, ЕС, Турция, Япония, Иран) в ответ на снижение роли России в регионе, так и вынужденным поиском внешних гарантов стабильности самими республиками. Регион ЦА как территориально-политическое объединение является гетерогенным по своим геополитическим предпочтениям из-за отсутствия стимулов для региональной интеграции и приверженности к поиску разных внешних гарантов стабильности. Именно внешнее форматирование будущего региона характеризует ЦА, “где баланс мощи является весьма неопределенным, неустойчивым и меняется каждый момент”³.

Внешние игроки в начале 90-х были склонны сотрудничать преимущественно с такими энергетическими державами, как Казахстан, Узбекистан и Туркменистан. Затем их стратегия начала меняться. Пришло понимание необходимости создания общерегиональных подходов для сотрудничества. Так, США заинтересовались ЦА как региональной единицей, а не конкретными ее странами⁴. Регион, являющийся ключевым для решения более широких евразийских интересов крупных держав, стал рассматриваться в качестве “новой фронтьеры для США”⁵ и даже как “новые Мировые Балканы”⁶. “Трансформация ЦА в один из альтернативных источников природных ресурсов, ныне поставляемых из взрывоопасного Ближнего Востока и беспокойного каспийского региона, по мнению

³ Приего А. Пакистан между региональными комплексами безопасности Центральной и Южной Азии // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. – 2008. – 6(60). – С. 66.

⁴ См.: Cohen, Abraham. Are Central Asia's Weak States Getting Weaker? // [http://www.cacianalyst.org/\(02/12/2003 issue of the CACI Analyst\)](http://www.cacianalyst.org/(02/12/2003%20issue%20of%20the%20CACI%20Analyst)).

⁵ Blank, Stephen “The United States and Central Asia” in Allison, Roy and Lena Jonson. Central Asian Security: the new international context. – Brookings Institution, Washington, D.C. – 2001. – P.127.

⁶ Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. – М., 2005. – С. 63.

¹ Алексеева Н.Н., Иванова И.С. Средняя, или Центральная Азия // <http://www.analitica.org>.

² Морозов Ю., Макдермотт Р. Перспективы сотрудничества организаций и союзов в целях обеспечения стабильности и безопасности в Центральноазиатском регионе: взгляд из Москвы и Лондона // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. – 2008. – 6(60). – С. 31.

Ю. Морозова и Р. Макдермотта, повысила пересекающиеся интересы великих держав”¹.

Если применять концепцию регионального комплекса безопасности (РКБ) Б. Бузана и О. Вивера, то регион ЦА скорее склонен к такому сценарию – постоянная подверженность внешней трансформации. Это прежде всего предполагает изменение (сжатие или расширение) границ РКБ. В различных проектах крупных держав предполагается изменение карты региона. Так, согласно БЦА, “географическое деление мешает осознать, что Афганистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – это единый регион”². Некоторые акторы в широком смысле подразумевают под регионом ЦА пять республик + Монголия + Афганистан + северо-восток Ирана + тюркоязычный Синьцзян (Уйгурский автономный район КНР).

Отсутствие реального регионального осознания вопросов безопасности между странами можно объяснить следующим:

Во-первых, нет четко определенных национальных интересов самих республик, что объясняется дефицитом опыта строительства национального государства классического характера. Как считают М. Ахрари и Дж. Биел, эти страны были созданы как механизмы принципа “разделяй и властвуй”³ для разрушения идеи объединенного Туркестана. На текущем этапе поиск национального самоопределения, процесс суверенизации и строительства государств сопровождается поиском внешней поддержки для укрепления режима, с одной стороны, а с другой – для решения сложных социально-экономических проблем.

Во-вторых, центральноазиатские страны до сих пор определяют категорию безопасности исключительно с государственно-центрической позиции, т.е. с позиции жесткой безопасности. Сегодня само понимание категории безопасности расширилось. Так, согласно А. Элнер, сю-

да входят: проблемы медицины и здоровья, демографические тренды, состояние окружающей среды, энергетических и природных ресурсов, финансовых рынков, коммуникационных технологий, процессы миграции, религия, права человека, проблемы слабых и разваливающихся государств, международной организованной преступности, терроризма и распространения оружия массового поражения⁴. Государствам региона необходимо расширить понимание безопасности и сделать ставку на гуманитарный аспект, являющийся ключевым для предотвращения потенциальных угроз. Более того, гуманитарное направление может стать ключевым аспектом сотрудничества между странами ЦА и внешними акторами.

Таким образом, форматирование будущего извне и стратегическая позиция внешних игроков превращает регион в маргинальное образование с отсутствием центростремительных тенденций, где зачастую предпочитают заискивающую позицию “младшего брата” у крупной и влиятельной державы. Создание суверенных государств с четким осознанием угроз для национальной безопасности представляется сложным и неопределенным, поскольку эффективность и дееспособность самого института государства подвергается сомнению. Более того, сложно определить регионального лидера в качестве скрепляющего ядра. В этом свете прогноз для центральноазиатских государств, остающихся “дрейфующими островами”⁵, остается актуальным. Проблемы для региональной безопасности актуализируются и проблематизируются внешними акторами в свете войны в Афганистане, вопросов Ближнего Востока и Кавказа.

Кто и как влияет на безопасность в Центральной Азии?

Копенгагенская школа безопасности утверждает, что безопасность есть результат социальных процессов, и использование дискурсов ради предупреждения угроз является одним из важных критериев обеспечения безопасности. Так, секьюритизация и алармизация общественности об угрозе зависят прежде всего от того, как и кто воспринимает и определяет угрозу как реаль-

¹ См.: Морозов Ю., Макдермотт Р. Перспективы сотрудничества организаций и союзов в целях обеспечения стабильности и безопасности в Центральноазиатском регионе: взгляд из Москвы и Лондона // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. – 2008. – 6(60). – С. 29.

² Стар Ф. Партнерство для Центральной Азии // Россия в глобальной политике. – 2005. – №4 // <http://www.globalaffairs.ru/numbers/15/4506.html>

³ Ahari M.E. and James Beal. The New Great Game in Muslim Central Asia. – University Press of the Pacific Honolulu, Hawaii. – 2002. – P.9.

⁴ См.: Ellner, Andrea. Regional Security in a Global Context: A Critical Appraisal of European Approaches to Security. European security. – 2008. – Vol.17. – No.1. – P. 9.

⁵ Омаров Н.М. Государства Центральной Азии в эпоху глобализации: поиски стратегии развития. – Бишкек, 2008. – С. 208.

ную. Применительно к ЦА интересы внешних игроков обусловлены тем, что этот регион является ключевым для решения более широких задач в евразийском пространстве, соответственно внешняя алармизация об угрозах лишает региональные государства возможности самостоятельно определять угрозы и борьбу с ними.

Доступ к энергетическим рынкам региона, в частности нефтегазовому сектору (200 млрд. баррелей запасов нефти), представляет главный интерес крупных держав в регионе. США активно обсуждают вопрос об энергетической зависимости Европы от России и необходимости диверсификации транспортных путей доставки этих ресурсов. Как отмечают Р. Аллисон и Л. Джонсон, решения США 1994–1995 гг. были направлены на сдерживание российской монополии на энергетические ресурсы ЦА и транскаспийского региона¹. Об этом свидетельствуют решения поддержать строительство газопроводов через Турцию, а не Россию в 1995 г., побуждение Туркмении поставлять газ в Украину, вопреки неплатежеспособности последней. Попытки были направлены на поощрение стран ЦА обойти Россию и Иран как монополистов региона при строительстве нефтепроводов и газопроводов. Вовлечение США в разные процессы, предложение выслать миротворцев в Нагорный Карабах в рамках миссии ОБСЕ, открытие Нового Шелкового пути и торгового коридора Восток–Запад, арбитраж по переговорам по Каспию являются тому свидетельством. Апогеем стало подписание в 1999 г. протоколов строительства газопровода Баку–Тбилиси–Джейхан в обход как России, так и Ирана. США способствовали расширению влияния Турции в регионе в противовес влиянию Ирана. Сегодня США продвигают идею БЦА, поддерживая различные проекты для интеграции региона. Так в июле 2008 г. было достигнуто соглашение между правительствами Кыргызстана, Пакистана, Таджикистана и Афганистана о строительстве станции передачи электроэнергии мощностью в 500 KV из ЦА в Пакистан через территорию Афганистана. Проект стоимостью 935 млн \$, финансируемый ВБ, АБРР и ИБРР, завершится к 2013 г.².

¹ См.: Allison, Roy and Lena Jonson. Central Asian Security: the new international context. – Brookings Institution, Washington, D.C. – 2001. – P. 131.

² См.: Nichol, Jim. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests. CRS Report for Congress. – 2008, August 6. – P. 5.

ЦА, возможно, представляет собой географический регион, где интересы Китая и России более всего пересечены³. Но Китай, не оспаривающий влияния России в регионе, тем не менее, активно детерминирует вопросы безопасности и сотрудничества в рамках двухсторонних соглашений и в формате ШОС посредством преимущественно расширения торгово-экономических связей. Гармония интересов исходит из того, что Китай отдает меньший стратегический приоритет региону, чем Россия, воспринимающая регион до сих пор как зону своих особых интересов. Спрос Китая в энергоресурсах растет, а российские нефтегазовые запасы находятся ближе, нежели залежи Африки или Персидского залива. Наличие экономических и политических разногласий между Россией и Китаем по поводу энергетической безопасности снижает перспективы создания единого блока в Евразии.

Россия, пытающаяся реабилитировать свое значение на пространстве ЦА преимущественно после прихода к власти В. Путина, занимает важное значение во внешней политике всех пяти республик по всем аспектам безопасности и на данный момент играет ключевую роль в обеспечении безопасности региона. Это осуществляется за счет экономического содействия региону и политического веса в институтах СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС.

Формат двусторонних отношений является наиболее характерным для ЕС и европейских стран при сотрудничестве с государствами ЦА, усилившими свое влияние за последнее время. Диверсификация путей транспортировки энергоресурсов является для ЕС актуальной, поскольку уже к 2030 г. 75% нефти и газа в Европу должны будут импортироваться из других стран мира⁴. В этом свете Региональная стратегия поддержки ЦА Европейским Союзом на 2007–2013 гг., предполагающая увеличение финансовой составляющей до 750 млн евро со средним ежегодным распределением в регионе от 58 млн евро в 2007 г. до 139 млн евро в 2013 г., является тому очевидным свидетельством⁵. Предыдущая стратегия

³ См.: Richard Weitz. China-Russia security relations: strategic paralysis without partnership or passion? // www.StrategicStudiesInstitute.army.mil p.ix.

⁴ См.: Отчет о внедрении Европейской стратегии безопасности – Обеспечение безопасности в изменяющемся мире, 2008. – С. 5.

⁵ См.: Региональная стратегия поддержки Центральной Азии Европейским Союзом на 2007–2013 гг.

2002–2006 гг. потребовала 375 млн долларов. Действуют соглашения по партнерству и сотрудничеству с Кыргызстаном, Узбекистаном и Казахстаном¹. Программы технического содействия (ТАСИС и ТЕМПУС), транспортные коридоры (ТРАСЕК и ИНОГЕЙТ) и Набукко, программы содействия развитию гражданского общества EIDHR определяют долгосрочные интересы европейцев в ЦА. Деятельность ОБСЕ, которая не всегда отвечала интересам правящих режимов в странах ЦА, тем не менее, отличается комплексным подходом при определении концепции безопасности. ОБСЕ проводит ряд разносторонних проектов совместно с государственными органами в сфере пенитенциарной системы, милиции (Кыргызстан, Казахстан), СМИ (все страны, кроме Туркменистана), образования; это также земельные реформы (Таджикистан), проект Академии ОБСЕ в Бишкеке, инициатива создания в Бишкеке Водно-энергетической академии. За годы существования ОБСЕ расширил свой бюджет с 4,5 млн долларов (2001) до 11,1 млн долларов в 2005².

Турецкая республика и Исламская республика Иран также являются важными акторами в регионе ЦА. Однако их идеология пантюркизма и панисламизма не нашла в ЦА необходимой легитимности, которая помогла бы им упрочить свои позиции и стать моделями развития. Поэтому эти страны ограничиваются торгово-экономическими и культурно-образовательными сферами сотрудничества.

Главный интерес крупных держав является благоприятной почвой для развития не только торгово-экономических, но и политических и культурно-образовательных сфер сотрудничества. Но никто из крупных держав не проводил до сих пор последовательной политики по отношению к региону, что связано как с конъюнктурными интересами конкурирующих элит внутри

каждой страны, так и с балансом сил в мире. Это лишь наталкивает на необходимость осознания государствами региона ЦА общих взаимных интересов и самостоятельной выработки структуры безопасности, чтобы не стать разменной монетой в большой игре неоднозначной политики крупных держав.

С какой целью «они» оказывают влияние?

В целом крупные державы заинтересованы в стабильности данного региона, прежде всего, в интересах собственной национальной безопасности. Нестабильность в одном из регионов мира представляет угрозу для других даже географически отдаленных регионов и государств. Поэтому концепция всеобъемлющей безопасности и комплексного подхода США и стран ЕС к безопасности имеют свое продолжение в регионе ЦА.

Главные цели:

- доступ, контроль и безопасная транспортировка энергетических ресурсов региона;
- сдерживание политического и экономического влияния других крупных акторов;
- ориентация стран региона на себя (прозападная/проамериканская, пророссийская или прокитайская стратегия);
- стабильность региона для решения более широких евразийских вопросов.

В целом мы должны признать, что сотрудничество стран региона с внешними акторами способствует:

- обеспечению внешней и внутренней безопасности; военное присутствие позволяет правительствам расширять потенциал для собственной безопасности и направлять больше средств на экономическое и социальное развитие;
- сдерживанию третьих держав от применения открыто агрессивных действий, а также внутренней оппозиции от организации акций неповиновения правящим режимам;
- созданию рабочих мест для местных граждан, открывает возможности для их участия в образовательных, экономических и военных двухсторонних программах.

Таким образом, внешнее форматирование региона ЦА определяет будущие стратегии развития всех государств региона.

¹ См.: *Nichol, Jim*. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests. CRS Report for Congress. August 6, 2008. P. 9.

² См.: *Epkinhens T*. The OSCE's Dilemma in Central Asia // handouts at OSCE Academy during the modul on OSCE institutions in 2007.